

ЗНАКИ ВЕТРА

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА

4

октябрь

2010

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная
Координаты для связи:
fainak@mail.ru

Составитель
Владимир Тарасов

Художественное оформление – Ф. Колодная

Техническая поддержка – Г. Ковальский

Содержание

Алекс Гельман	7
<i>Проба вторжения. Критические заметки</i>	
Павел Жагун	11
<i>Из книги «CARTE BLANCHE»</i>	
Тимур Зульфикаров	21
<i>Притчи из заснеженного сада золотой хурмы</i>	
Гарик Ковальский	39
<i>Рассуждение о преемственности</i>	
Владимир Тарасов	47
<i>Из книги «ПЯТЕРНЯ»</i>	

Алекс Гельман
ПРОБА ВТОРЖЕНИЯ

ЛУБОЦКИЙ
ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ

Лубоцкий: «Дерева похожее на вишню»
после протетения

лирическое тело под раскидистой тенью величия замысла
изображение слов
чувственные игры в плену магии поэтической жестикюляции
ритмическая проза или проза-стих или опыт сверхписьма
патологоанатомический ланцет-почерк-стиль-стило в полости города-мира
демонстрация актуального на фоне личной возможности-необходимости-тяги к боли
до полного вербального изнеможения
закрытый говор красок тела
абзац-строфа как единица ритмо-вкуса
поток-потоп осознанного Я
слова на подрамнике не отдыхают
скоропись – избыток выделяет мускул фразы
глубоководный бестиарий
колониальная босхиниана
трение в реторте как граница и горизонт любви-утраты
эротика оправданного тела
текстура неоправданного секса
таинство воссоединения или способ спасения
нечитабельное технэ
всегда божественное психе

картина имени и восхищенная патина-эмоция вне инфантильной религиозности
волнистая аллитерация на палубе-великолепета синтаксических смещений
живопись падения в пределах собственной демонизации
urban-версификатор и слововержец-мироеб
смеситель-ангел-террорист
опустошительная близость от сомнительной радости свершения
вариации на тему небесного отрицания
фронтальная лексика под натиском лирической экспансии
между цинизмом и хладнокровием
место-письмо-паника-дерево
вишня-амбиция-письмо-место
язык – процесс и цель

изошрённый протей мифологического мышления скользит по ризоме говорения в интенсивном и длительном переживании в попытке отстранения от совокупности собственных (природных) аномалий; блуждающая речь в поиске аффекта некоего абсолютного состояния языка, что заражает читателя восторгом противоречия; личный смысл (замысел) как правило трагичен!

Пользуясь случаем, мы удовлетворяем просьбу автора «Дерева похожего на вишню»: Владимир Лубоцкий не принадлежит к Иерусалимской школе синтетизма. Факт публикации на страницах сборников ЗВ не является неременным свидетельством причастности к школе, подробнее об этом в №№1,3 (от сост.).

Павел Жагун

УЗ КНУГУ «CARTE BLANCHE»

92.2

лиля брик выходила на брег – то ли
солнце кровавое свищет то ли иволга
бродит во мне это – я беломор разминаю
весь запыхался не отдохнул

всё не просто – смотри мне подонок кто
рассказывал о вурдалаке косолапом
скворце размазня³⁴ серпантином
увенчаны избы разговор на опушке

умолк а девчата всё хотят на танец
тяжела и душиста сирень не забудем
приличия рамки будем просто простую
кадриль там – за кадром земелька и

пшенка рис китайский фасоль развесная
весна: “что служивый далече ли море? а
с другой стороны – что нам море?
ковылять в ковылях до утра нам
негоже”

*34. Проездной на метро до конца жизни
стоит дешевле, чем годовой.*

91.2

гороскоп обещает свечение клёна бери и
беги городской сотрапезник: “куда и
зачем перепряганы звёзды? кому кроме
нас нужен полый савой?”

чистоплюи возьмут потихоньку пакеты
в них сахар и соль разберись для начала
месть непорочна глазами ребёнка
строительство леса идёт нарасхват и

кисет переполнен тоской ребятишки
штурмуют без боя твой маленький катер
название спрут ненаказанных бьют
лепестками наотмашь не надо нас

путать младые друзья мы и сами поймём
кто есть кто моментально: ты – рыжик
ты – сольвейг а ты – камамбер торопись
клинописная весть терпимость

восторга вращать непременно сквозь
окна – магический входит портной
впопыхах

90.2

пряча свой тирс вознамерен искрится
голодное время система вразнос
уходящие годы несмело вакхант
обрекает себя на извечные муки

сосновой смолой разлепившие
пальцы чужбины что было что будет
сейчас самозванец непрошенный корень
знамение возгласа детоубийцы четыре

стихии палаццо питти вознамерен
остаться в живых мандрагоры слеза
воплощения камерный бог я приду за
тобой по пылящей реке возгорание

палубы нож аккуратно приложен к
воскресной еде богомол искромётное
время святого евстафия полдень на
башне сжигает глаза детородное семя

рискуя остаться навеки в седле
опечатанной смертью долины моя
голова развенчание нескольких
правил достанет грозы осыпаться свои

лепестки на комод отражение в окнах
немытого моря

14

89.2

кратер романа нас держит на привязи
варвар бесхозный глубокий растлитель
дюпон кортасар и бюстгальтер
свидетель расправы чижамы заполнено
озеро рук

обретай близорукость в родной
глухомани крыжовник раздора
кастальский приспешник нам
неизвестен ваш профиль гилас

вознамерены райские пальцы в неволе
закон амадей пригорюнился плыть по
московскому времени между собой
разреши им остаться кристальное

варево несколько строчек во тьму
для хозяина прошлое перегоревшая
лампочка сотен невольников рыбные
дни деловито насквозь порицание

впредь пендерецкого стон восхищает
конец октября без конца и начала
внимая птенцам кто для близкого кто
невольники – есть венгерское макраме

15

88.2

питерский снег алгоритмы прощения
 плюс неизбежность есть формула
 стёртых ступеней скомканных чувств
 увязающих в письмах

надежда найти то самое слово что
 станет другим при прочтении леса
 полупрозрачным намёком на вдох без
 которого выдохнуть город никак

невозможно – пустые мосты
 пожелтевшая церковь припадочный
 сквер – однотипные образы влажного
 поселения³⁵ маркер дыхания

здесь возрождаться нечётным словам
 истоптавшие холодом диких строений –
 стрелы восходов так и в знакомых лицах
 теряется свет приближения к

истине духа темнеть
 всколыхнувшийся лёд потемнение
 разума шелест страниц окрылённой
 весталки абунданция рва

амалфея пророчества попирающая змею
 или колкий каштан своевластия

35. По радио сообщили: оптическое
 бессознательное реструктурировано, что
 даёт космонавтам возможность спать не
 раздеваясь.

87.2

будуар кузнеца тарелка не съеденных
 истин ты так и не встретишь того
 неизбывного сладкого несколько сотен
 пчёл возглавляет щедедушный воздух

ломая круша предметы без устали
 напевая: я – твоя кукла барби хромая
 плутовка распятий нежная что стекло
 бальзамин непредвзятый калач

троперстья родина там где – ты говори
 о пустых пространствах в них блуждает
 твой голос ломкий мотылёк облетевший
 землю так бы и слушал расстрига

дыхание запах бензина на аэродроме с
 ней говорить до скончания века руки
 раскинув при виде тучи разбегаюсь
 со снежной горки ухая крошечным
 сердцем на всю округу

86.2

терпкая суть произвола безлика раздень
его осень четыре стихии синтетика
строк невозможность начала план
вопреки не востребован сдаться

случайности переоценка белая
чопорных век сонмы газетного люда
проколоты уши зарёй вопросительный
только бы сняться с насиженных мост

репортёры на месте уже тут как тут
каллиграфия рёбер несмелая жечь
осыпаясь в браслетах немые создатели
ночь напоить ремеслом рукава

перевязаны накрест контрольные
сумерки мощно нежданно нас опоить не
за несколько гривен имей при себе
каравай громовержец тюленьи следы

рикошетом насквозь перехвачен мать
расколоть сотрапезник воскресни
дыхание севера совесть сирени плечом

Тимур Зульфикаров

ПРИТЧИ ИЗ ЗАСНЕЖЕННОГО САДА ЗОЛОТОЙ ХУРМЫ

фрагменты

СУФИИ

- Дервиш, кто суфии? кто они?..

- Суфии – Святые Слепцы этого мира...

Те, кто закрывают глаза... уши и уста...

Те, кто не видят не слышат не чувят этого мира...

Не приемлют его соблазнов и красоты...

Они не хотят странствовать в двух мирах – а только в загробном...

Суфии глядят чрез мир, как чрез туманное стекло, и видят только Лик Творца...

Чем прекраснее земной мир – тем туманнее стекло, тем дальше Лик Бога...

И потому суфии бегут этого мира и не любят весну, ибо цветущие деревья сокрывают Лик Бога, а текучие воды заглушают Его дыханье...

...Вот суфий бредёт по горам и ищет ущелье, где нет деревьев и вод хрустальных, а ищет, алчет ущелье камней, где нет дерев и вод...

- Дервиш, что ищешь ты ущелье камней нагое, а не ущелье хрустальных вод и цветущих дерев?..

Он шепчет, закрывая бездонные глаза и уши:

- Тут Бог слышнее и зримей, и камни не застилают Его, как цветущие деревья и многозвонные воды не заглушают дыханье Его...

Творец ошибся когда дал нам очи уши и язык...

Разве можно увидеть оком? услышать ухом? учуять языком Бога?..

О человеке, что держишься ты за земной дом, где сто лет – наивысший срок быстротекучей земной жизни твоей...

А забыл о вечном доме твоём и вечной жизни в нём, что были до земной жизни и будут после...

Что любишь тленное а не вечное...

Что любишь островок в океане, а не океан...

Но в океане только рыбы дышат...

...И я засыпаю на суфе под золотой хурмой под фазаньим бухарским одеялом
И вспоминаю, вспоминаю, как был рыбой в океане...

И доселе чую в ночах как ребра мои были жабрами...

И доселе чую в ночах как лопатки мои были крыльями...

Рыбы – немые суфии океана...

А орлы – безмолвные суфии небес...

Они знали тайну но молчали

Но потом устали от немоты своей

И рыбы хотели открыть рты но океаны входили во рты разъятые и не давали

И орлы, которые летали высоко и шептались с Богом, открывали клювы, чтобы

шепнуть тайну – но альпийские бешеные ветры разрывали их клювы разъятые и не давали...

И вот рыбы вышли из океана на берег

А орлы сошли на землю с небес

И стали человеками

И заговорили сладкотленными словами

Но забыли тайну...

А тайна осталась в небесах и океанах...

Но суфии знают...

ТЕЛО

Дервиш, став старцем, сказал:

- Печально глядеть, как разрушается вселенная твоего тела...

А разве не печально, когда летят, рассыпаются звёзды, убавляя, уменьшая Мирозданье...

Разве Вселенная не убывает?

И что рядом с Ней твоё муравьиное тело?

А разве не печально когда опадает яблоневый сад забытый горный в кишлаке брошенном...

Яблоки сиротливо падают в траву сонную – и некому собрать их...

О Господь мой! жаль и звёзды падучие! жаль и палые яблоки...

Но тело-то живое, родное, здешнее, а звёзды хладные, а яблоки хладные

Дальные... неживые...

И кто кроме меня пожалеет их?..

А кто пожалеет меня...

Только Ты Господь мой...

Но помедли...

Дай налюбоваться летящими звездами

Дай насладиться медвяными яблоками

...И вот я засыпаю под золотой хурмой под фазаньим бухарским одеялом

И вместе со мной засыпают звёзды

И яблоки...

И всё мирозданье...

И чт'о душа моя больше мирозданья...

И всё мирозданье спит под моим фазаньим павлиньим бухарским одеялом...

А мне мало мирозданья...

И блаженно печально...

Иль душа более мирозданья...

И оттого печальна...

О Творец!.. Пастух печальный душ необъятных и печальных...

ВЕРА

- Дервиш, какова вера твоя?..

Сказал:

- А я молюсь во всяком храме, который стоит на дорогах моих...

И на всяком камне, если нет храма вблизи...

И на всякой земле...

Сказал:

- В России – я православный

В Азии – мусульманин

В Индии – индуист саньясин монах

В Китае – буддист

В Израиле – древний иудей

Я алчу всех вер и всех дорог и сладко блаженно разъезжаются ноги мои на необъятных дорогах и тропах, и всюду летит душа моя, как отбившаяся от стаи птица...

И как пчела собирает меды со всех цветов...

И там где смерть застанет меня – у того храма утихнет в исходе жизнь моя... И там я уйду к Богу...

О быстрая смерть, вечная вера моя перед тобой и после тебя...

О странник Бога!

Но не только человеки кочуют по земле...

Храмы тоже кочуют и могут придти к тебе...

И все они в душе твоей... и кто истинней?

Ах нет в мире заблудших человеков...

Все бредут по божьим дорогам к Богу, и я путник всех дорог и религий, и молюсь во всех храмах...

И нет меня ни на одной дороге и ни в одном храме...

И всех люблю и принимаю радостно покорно...

А храмы падут искрошатся в пыль в песок, ибо рукотворные...

И только не падёт не искрошится в пыль вечный храм – Двуногий Божий Храм Сосуд Человек – ибо Он Господом сотворен а не человеком

Камень рушится – а плоть стоит...

А иногда Господь разрушает Храмы Веры чтобы не мешали человеку глядеть в небеса где Дом Бога...

И что же мы рыдаем по разбитым храмам забывая о Доме Бога...

Дервиш сказал тихо:

- Ах, мир так сладок и многоцветен, что нельзя ограничить себя даже Великим Христианством, а закрыть глаза и душу на иные пути к Богу... на иные народы И что же ты бредёшь по необъятному саду, но застыл у одного Древа...

О Боже! На одном древе можно только повеситься...

О Боже! Иль сюда приводит многодорожие?

И можно бродить по многим дорогам, а умирать – на одной...

А пока я блаженно бреду по саду...

О Боже! Помилуй заблудшего в необъятном Саду Твоём...

О Боже...

Я сплю в заснеженном саду под хурмой золотой

И златоглавые храмы бредут забредают что ли что ль в мой сон

И Три Великих Суфия – Блаженный Будда, Спаситель Иисус Христос и Воитель Бога Мухаммад проходят чрез мой сон что ль что ль

И ночью выпал снег и Их Следы алмазами ликуют льются дымно теплотворно на снегу

И Следы Одного попадают в Следы Другого

И кажется, что шёл Один...

...И только три шоколадные кофейные хурмы с еще колыхающихся оснеженных веток нежно свято взяты сняты...

И еще сыплется нежноперламутровый вспыхивающий снежок на моё замершее замершее бухарское одеяло

И одеяло было павлиньим фазаньим а стало жемчужным алмазным...

А душа была жемчужной алмазной а стала павлиньей фазаньей необъятной...

Дервиш сказал:

- Ветер – это Дыханье Бога

Когда Творец гневается на грехи человеков – тогда ветер сокрушает дома греха и жизни безбожников...

Когда Господь взирает на добрые деянья человеков – тогда веет шелковый ветер душистых прохлад в цветущих садах, и в золотых согбенных тучных хлебных колосьях августа, и колыхаются от ветра кроткого нежные жемчужные волны в тихих реках и океанах...

Тогда Рай неслышно опускается на землю...

С шелковым медовым ветром Своим...

Ветер – Дыханье Творца...

Иль убивает, как лютый враг...

Иль ласкает, как ночная мать...

Когда ты стоишь в летнем поле

И ветер цветущих медовых златопчелиных лазоревых фацелий

Обвивает обнимает ласкает тебя –

Это Господь беседует с тобой...

Слышишь шепот Его...

...И я засыпаю под золотой хурмой

И слышу слышу чей-то чародейный шепот: Спи спи сынок... родненький... я люблю тебя...

И я закрываю глаза и чую что она тихо плачет от счастья...

И я засыпаю уплываю увядаю в заброшенном саду под бухарским древним фазаньим павлиньим одеялом

Его еще моя матушка Людмила шила стегала собирала давно усопшая

...Спи спи сынок... родненький... я люблю тебя... и плачу плачу от счастья...

О матушка...

Твои фазаны твои павлины выцвели избилась, а греют лелеют ласкают меня, старца, и защищают от ночного холода и дневного одиночества...

Я чую – завтра потекут понесутся неисчислимые белосаванные снега, снега и снежным неоглядным алмазным божьим одеялом покроют горы, кишлаки и мой сад золотой

хурмы и матушкино павлинье фазанье одеяло
И я покину полузаброшенный кишлак Ватан и вернусь в Москву ледяную скользкую
воспоминающую Вавилон Содом Гоморру в лживых днях и в блудных ночах...
И это уже не Третий Рим, а Второй Вавилон... Вторая Гоморра... Второй Содом...
О Боже...

Но весной, когда потекут горные тесные курчавые, как стада гиссарских овец, ручьи,
родники, арыки, реки, водопады
Я вернусь в кишлак Ватан и лягу на деревянную суфу и с весёлой головой уйду
покроюсь древним павлиньим фазаньим одеялом матушкиным

И тут затаенно замирая услышу бессмертный шелестящий, как ветер в золотых
пшеницах, шепот, шепот:
...Спи, спи, сынок... Родненький... Я люблю тебя...

...И опять я блаженно закрываю глаза и чую, чую неупиваемо неизъяснимо, что она
неслышно, неопалимо плачет от счастья...

И я под одеялом радостно рыдаю...

И кричат весенние выцветшие павлины и летят вешние а святые вылинявшие
фазаны...

Слетая покидая одеяло...

ЛЮБОВЬ К ЖЕНЩИНЕ

Дервиш сказал:
- Любовь к женщине – это лишь один золотой колосок в тучном необъятном поле
золотой хлебной жатвы...
И что сладкий слепец ты будешь сыт хлебом одного колоска?..

Дервиш сказал:

- Любовь к женщине – это лишь одинокий пурпурный мак-текун трепещущий в диком
неоглядном поле поле поле
Скоро скоро опадут полетят атласные лепестки его...
Но как бездонен сок его... О!..

О не зря маковые суфии говорят шепчут, что мак – это воспоминанье о Рае, который
ждёт всякого...
И вот ты не дождалсярая на небесах и увидел рай на земле...

Женщина – это мак... это колодезь мака-текуна дурмана...
И надрез на головке маке – лоно жены эль кесс эль фердж жены – святая трещина
любви...
Айи!..
И любовь к женщине – это любовь к маку...
О!..

Дервиш сказал:
- Любовь к женщине – это мак... это порок, ибо затуманивает любовь к Богу, ко
Вселенной, ко всем человекам...

Но потом дервиш вспомнил любовь дальнюю свою золотой колосок свой и
опечалился...
И забыл о поле тучной златой жатвы...
И сладостно зарыдал как дитя у коленей блаженных матери... где как говорит Пророк
и находится истинный Рай...
О Боже!..

О Господь мой! что ж я всё блуждаю в поле и не знаю и не знаю и не знаю...
Что я люблю – то ль колосок? то ль мак? то ль поле неоглядное?..

А я люблю и колосок, и мак, и поле неоглядной золотой хлебной жатвы...
Творец любит Вселенной и перебирает, словно Четки, Плеяды Звёзды
Мирозданья...
А я смиренно в поле неоглядной жатвы
Глажу колосок блаженными перстами
И ловлю губами лепестки летящие от пурпурного сладостного мака вседурманного...

Любовь к женщине – поле пурпурное маков...
И ты, человек, бредёшь по пурпурному полю слепо свято блаженно необъятно...

...И я засыпаю под золотой хурмой
Под фазаньим павлиньим бухарским одеялом

И мне снится необъятное пурпурное поле маков
 И по нему бредут опьяненно окрыленно влюбленно возлюбленные девы и жены
 жизни моей
 И их множество и среди них мать моя и сестра моя
 И все, кого любил я, и все, кто любили меня...
 И их больше, чем маков
 И они пьянее блаженнее маков

И я бреду к ним по макам
 И радуюсь необъятно
 Хотя я забыл имена их... в хрустальных слезах радости

Но столько волн любви ласки я чувю в поле маков, словно сотни матерей бегут ко мне и
 руки млечно простирают и зовут в молочные объятия

О Боже! Сколько волн любви ласки неоглядно меня переполняют в поле маков в поле
 возлюбленных моих неоглядно ненаглядных

О Боже! Не Рай ли это?
 Не Рай ли?..

ВРАГИ И РОДНОЙ ДОМ...

Дервиш сказал:
 - Если у тебя есть враги – значит, у тебя не хватило любви на всех...
 Если близ тебя стоят голодные и алчущие – значит, у тебя не хватило хлеба и воды...

Будь всегда в любви своей как река в половодье...
 Будь как река в половодье, что сносит бедные прибрежные домики глинобитные
 кибитки твоей семьи и дома близких и уносит их к другим берегам и жилищам...

Не рыдай над плывущим домом своим...

Его судьба и судьбы всех домов на земле – плыть уходить в реке времени...
 Ах, не рыдай вослед плывущему дому твоему...
 Нет у тебя врагов...
 Нет у тебя родного дома...
 Не рыдай...

О, Боже!..
 А я рыдаю...
 Тогда родной дом по реке вспять возвращается
 Вселенную закрывая...

...А я засыпаю в заброшенном саду золотой хурмы под бухарским одеялом
 И вспоминаю, вспоминаю нашу незабвенную глинобитную кибитку-колыбель у
 самой разбушевавшейся от текучих глин реки Варзоб-дарьи

И матушка моя Людмила пришла с ведром родниковой воды, а в воде вьётся
 жемчужная форель
 И форель задыхается, потому что в жабрах у неё глина текучая
 И матушка вымывает глину родниковой водой и рыба оживает...

Тогда я говорю: Мама, будем жарить форель...
 Тогда она говорит: Мы спасём форель от глины... а когда уйдёт глиняное наводнение –
 вернём рыбу в воды хрустальные...

О Боже...
 И я уйду от слепых глин земной жизни к хрустальным рекам Рая?..
 О Боже... устал я от текучих глин этой жизни... болит бессмертная душа моя, как в
 глине рыбы жабры

О Боже...
 Там ждёт меня матушка с серебряной форелью в роднике хрустальном....

Там форель не жарят... а лелеют...

ДРЕВНИЕ ЧЕЛОВЕКИ

Дервиш сказал:

Древние человеки были ближе к Богу, ибо ближе к тем временам, когда Бог лепил человеков, и они помнят запах свежей чреватой уже глины первотворенья...
Запах первоглины первосемян в ноздрах их свеж...

И с той поры кто видел при жизни Лик Божий?

Когда Творец вылепил первочеловека – Он взглянул на него и обрадовался? иль ужаснулся?..

И человек узнал Творца Отца своего

И обрадовался? иль ужаснулся?..

Дервиш сказал:

- Язычники видели Бога в природе...

Но потом иудеи Моисей и Авраам увидели в небесах Бога Живого...

А потом и Сам Господь явился на земле в образе Христа на земном осле...

И что же человеки распяли Его? распяли Бога?

И что же на земле Бог не нужен человекам, а только в небесах?..

И тогда Бог ушел с земли...

И кто теперь увидит Лик Его?..

Дервиш улыбнулся:

- И всё-таки Лик Божий однажды является всякому человеку в земной жизни...

Разве когда мать склоняется над новорожденным – не Лик Божий улыбается Чаду притихшему от радости?..

Да знает младенец, что Господь склоняется над ним...

И потому улыбается, хотя не может сказать...

Воистину!..

Только дитя знает но молчит

А мы говорим да не знаем...

...И я засыпаю под бухарским яхонтовым фазаньим одеялом под золотой хурмой
Скоро, скоро горные альпийские искристые летучие всевластные снега завалят,
занесут, запеленают горы и кишлаки и золотую хурму мою
Совсем одинок я стану под заснеженным одеялом моим...

...Вот тут-то Божий Лик чрез нежный снегопад, как лицо молочной матери над
колыбелью новорожденного, с небес бездонных явится тебе...

Воистину!.. Гляди!..

Только одиноким, только занесённым необъятным снегом одиночества человекам –
открывается с небес Лик Божий...

А нынче на земле множество человеков одиноких...

И что ж они не глядят в небеса, а, опустив головы долу, ропщут, ропщут, ропщут...

О Боже!..

И я слепец земли все с ними, с ними, с ними...

О, Боже...

ДЕВА РАЯ

...И я опять засыпаю, замерзаю иль блаженно отхожу, усыпаю, умираю под родным
фазаньим павлиньим дряхлым одеялом, где матушкой моей оставлен завещан шепот,
шелест: Сынок, родименький... спи, спи...

А я плачу от счастья...

А снега летят необъятно...

О Боже! но разве одно материнское чудотворящее одеяло может оградить меня от
вселенского снега, от вселенского холода, от одиночества умиранья, усыпанья...

О Боже... сон что ли заснеженный мой... но я не один под одеялом...

О Боже, кто ты... как пришла ты в сон мой, как пришла проскользнула под моё
одинокое одеяло...
И вот обнимаешь, витаешь, нежно окружаешь меня живоатласными шелковыми
губами, грудями, руками и ногами...
И горячишь согреваешь чистым медовым хрустальным свежеснежным дуновеньем
дыханьем лепетаньем...
О Боже... Кто ты?

И мне уже тепло жарко уже горячо под снежным одеялом и я обнимаю объемяю её
замёрзшими руками и ногами и губами глазами зарываюсь в душистые пахнущие
горным весенним укропом и маслянистым грецким орехом жгучие, курчавые, как
бешеные весенние таджикские реки, арыки, водопады, волосы её...
Жарко мне и блаженно...

От падающих снегов окрест светло, как днём, и я вижу лазоревые сиреневые талые
талые разлившиеся на всё лицо глаза древней праматери таджиков Согдианы очи
нездешние ея ея её...

Ах как спелый дашнабадский малиновый гранат в руке
Ах как спелый рохатинский златоискрящийся виноград в руке
Как спелый златотекучий златопадучий исфаринский абрикос в руке
Как спелое гармское златорассыпчатое яблоко в руке –
Так я чую переспелыми моими перстами под одеялом не персидский атлас не
кашмирский бархат а живой колышущийся шелк девьего тела её
И я глажу ласкаю губами мну лижу нежно терзаю обнимаю лелею шелка живые
трепетные её
Живой шелк её в моих перстах млеет... нежится... покоряется... проливается...

Ах, я вспоминаю слова из Священной Книги: «Если хоть одна дева рая придёт на
землю – то одна её гиацинтовая повязка на голове будет стоять всех красавиц мира...

И я шепчу эти слова и уповаю:
- Ты оттуда? из рая? где гиацинтовая повязка твоя?..

А она, сверкая молодыми зубами как вершинами снежных гиссарских гор, горячо
хрустально шепчет радостно, как юная моя необъятная матушка шепчет мне:
- Я из кишлака Ватан... я дочь учителя Ходжи Саймутдина...
В нашем заброшенном голодном кишлаке ни света, ни тепла...
Жаль рубить древние смолистые задумчивые арчи на дрова...
Арчи – наши сёстры... наши тысячелетние матери...
И кто рубит сестёр... и матерей тысячелетних...
Холодно... Одиноко...
Айхххйя!..

Все жители нашего кишлака весной восходят на вершину снежной горы Мухаббат и
ждут Великого Ветра Весенних Перелётных Птиц...
Этот Ветер идёт с необъятных гор Памира на Россию... Он несёт перелётных птиц из
Индии и Африки...
И вот мои земляки бросаются в этот Ветер и лёгкие от голода долетают до России до
Москвы...
Там они подметаю улицы и строят небоскрёбы... а осенью они от тоски по родным
горам слетают спадают распято бросаются с крыш небоскрёбов в Великий Ветер
Осенних Перелётных Птиц, чтобы вернуться домой...
Но весенние птицы долетают, а осенние – не возвращаются...
Так мы с отцом остались одни в кишлаке...
Айхххйя!..

А меня звать Саврия Халифат Согдиана Тадж-Махал Ашурбаннипал Хаммурапи
Аргишти Акбар Ватан...
Отец от одиночества, тоски и нищеты дал мне имена царей... и они всегда со мной...
А я к вам пришла... жаль мне одиночества вашего... жаль одинокого одеяла вашего...
и притч, которые слышат только Господь и собака Осень...
И я пришла...

В Священной Книге сказано: Жены – ваша одежда, а вы – одежда жен
ваших...
И я одежда ваша, дервиш Ходжа Зульфикар, и моя алая гранатовая девственность –
одежда ваша...
А девственность – это вечно цветущий куст пеннорозового миндаля на безбрежных
снегах февраля...
Кто хочет сорвать его?.. кто хочет его нарушить?..

И зачем вам, дервиш, уходить от живого куста миндаля и возвращаться в мёртвую
Москву в Содом в Гоморру, чтобы там умирать вдали от многозвонного миндаля...
Айххха!..

А завтра утром пойдём побредём полетим поскользим по альпийским первоснегам
кружевам саванам простыням одеялам в родные алмазные горы горы горы
таджикские белоснежные как колыбель и саван...
Айххххххха...

Я знаю там древлюю тропинку тропку по которой боятся ходить скользить даже
снежные стелющиеся змеиные ирбисы-барсы, грезящие о вечножаркой Африке...
И памирские чернобурые мудрые, как древняя Индия и древний Китай, волки...
И небесные умудрённые гималайские медведи, верные, последние, как белые
носороги, тысячелетние ученики Будды Гаутамы ...
И игривые вечнолюблённые как вы, дервиш, козлы-нахчиры, которые рогами

доходят до полной луны в ночи полнолуния, в ночи переспелого гона...

И там плавают парят недвижно в нежном текучем лазурите небес орлы-бородачи-овцееды и серые грифы-могильники – последние высокогорные знатоки гурманы молчальники ушедшего от человеков к звёздам Пророка Зороастра...

Говорят, что иные орлы в тоске по Учителю залетают на звёзды...

Айхххй!..

И это ваши родные братья, Ходжа Зульфикар...

А разве вы не тоскуете по ушедшим Учителям?..

А разве вы не хотите улететь к ним?..

В Рай ведёт эта тропинка... тропка... тропа...

В Рай...

Там ждут вас...

...А ты пойдёшь со мной?..

...Я только проводница в рай...

...А я не пойду без тебя...

Айхххйа...

Ах, земная любовь всегда закрывает Небесную...

Гарик Ковальский

РАССУЖДЕНИЕ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Ясный зимний день.
По узорам на стекле
Выжигая пальцем.

Ягода, столь ласково входящая в губы,
ягода на серебряном блюде,
звезда белого неба,
восходящая надо мной лениво и весело,
прочерчивает траекторию,
подобную траектории плеча,
но размашистей и ироничней,
ироничней.
Исчезает в дверном проеме,
не оставив следа в возмущенном воздухе,
ягода,
которую хочется назвать сладкой,
хотя это слово и неприлично,
и неверно.
Полынь и колючки души моей,
знаешь ли, сколь желанны ягоды твои?
Никто не придет ночью,
чтобы поговорить со мной,
нет дома,
где не ждут, но будут рады.
Сложные и простые звуки
бродят вокруг,
вовсе не складываясь в музыку,
но я хочу расширяться
и научиться делать из света слова,
или переносить свет в руках,
чтоб стать лучше других,
и быть уверенным в этом.

О ПРОЛИТИИ КРОВИ – 1

В духовке грустно запахнет
рыбкой твоей работы,
или воздух прокатится от локтя вверх.
Как говаривала некая Майя:
«Ах, жара и хамсин. Нет ли у вас холодной
цикуты?»
Как говаривал некий Михаил:
«А не будь растяпой!»
И это все? Пусть хотя бы простятся долги.
Не забыть бы почиститься -
не хочу, чтобы это увидела ты.
Как уйти мне, куда мне исчезнуть?

...this is time, time, time...

T. Waits

1936

“Лола, ты не беспокойся,
Мы уже в Испании!”

1956

Жуткий облом – жить с коблом, работать с козлом.

1976

- Мама, ты не беспокойся – мы уже в Италии!

...говорю не я...

О.Мандельштам

Слова, которые я скажу,
 Не будут слышны.
 Я говорю медленно, разборчиво и нелепо
 На языке страны,
 которой не будет нигде.
 Я произношу три деепричастия,
 Как будто одного междометия недостаточно -
 Как будто недостаточно говорить, как вы.

О ПАРАМИТЕ ТЕРПЕНИЯ

Если бы не был разрезан я
 Ни вдоль и ни поперёк,
 Не обладал бы свойствами
 Злобы и гнева.
 Если б Всевышний мне показал
 Путь к воссозданию
 Свойства цельности!

Посреди поля маков, днём,
 Или в жарком лесу у ручья,
 Ночью ли в крепком доме –
 Если бы Сущий
 Дал мне учить и учиться!

«Hobo Blues»

John Lee Hooker

Ночной ветер
 Уже знает, что солнце садится,
 Тишина
 Сжимает меня в теплой руке.
 Так хорошо, м-м-м...
 Над дорогой
 Нависает скала.
 Она видела мое утро,
 Она видит, как солнце садится,
 И услышит, как стихнет эхо
 Моего крика.
 Она терпелива,
 Она долго терпела.
 М-м-м...

дом наш разрушается обращается в пыль
 дай коснуться твоей руки она холодна
 время связало нас по рукам и ногам
 а я так хотел чтоб прошло оно мимо
 не задев нас шершавым боком
 копытом не наступив
 но мы жили не в доме
 во времени
 и оно оказалось сильнее
 песок был скалой
 нефть телами была
 был деревом чёрный уголь
 а от травы ничего не осталось
 а от травы ничего не осталось

О ПРОЛИТИИ КРОВИ -2

...Перед смертью вспомнится сладко
Пенсильванский рай при дороге,

Где качается на качелях,
Словно дрозд на цветущей ветке,
Негритяночка с гибкой шеей,
Длинноногая трехрублетка.

Ее имя в пятнах ислама,
Нежность бедер полна коварства...

A:\RTFM\LOVE> О Маре:

У рук ее был запах свежей серы.
Так пахнет цветок весной,
в чистилище, недалеко от границы с адом,
чтобы грешник больнее помнил,
а тот, кого отпустили, не забывал подольше.
А груди ее пахли горьким миндалем.

Ночью я всегда надеюсь на чудо,
А сегодня меня разбудила Лилит.

Здесь программа сладостного языка,
Здесь
Вещество, которое мы любили...
Щелк!
Время рвет сухожилия,
время выламывает зубы.
Щелк!
голос становится хриплым.
Щелк!
кровь шипит в оглохших ушах.

Владимир Тарасов

ИЗ КНИГИ «ПЯТЕРНЯ»

◇ ◇ ◇

говори иначе можно отсюда
не держась отважности и излучин
можно иначе скормить малину
не сварив
(не на даче)

говори нет лени следить за темой
заглянуть удачно нащупав прорезь
не пугая камня
пески минуя
время меняя на марево

◇ ◇ ◇

сумерек стекает сизая серьёзность
настороженно скорая
южная
(как не точно об округе)

лунного мёда на возьми ломоть

я волокно свершений выбираю
просматриваю
медленное дело,
как водяные знаки у «колонии» (допустим, Доминики)
посмотреть на свет –
невзрачный срез на стеблях оживает
не жаль усилий считывать

сцеживая смыслы
возьми ломоть от слов
на языке пусть остаётся долго, тает пусть

◇ ◇ ◇

ещё запечатлённым О письма
молитвой в паузе пунктира междуречья
где райских яблок между слов лепнина
запечатлённым, чтобы не ушло
ещё прикосновением изнанки
а застыло
сценой превращения
метаморфозы долгожданной

свидетель верности ликующий язык
щедротами по-царски отличает
то жалом зацветает новый звук
впиваясь в тесто неотёсанной тоскою
то бархатен внезапно изнутри
соседствует в нём лепет умиления
с воздушной лёгкостью немых прикосновений
таящих нежность и покорность –
хлеба любви

ещё запечатлённым, чтобы не ушло
бесследно не истаяло навечно
пунктира между не исчезло
алело чтобы тьме наперекор...

◇ ◇ ◇

рисунка рисинки на присталь сквозь ресницы

осуществляемая сущность
нет ни изъяна ни змеи

степенно проследи
как светится и молодится
перистый оттиск трепета и риска
капризы формы
постигая
по крупицам

как искорка плывёт во тьме таинственно и таёт
шагов твоих намеренье таинственно исчезнет

что остаётся?

пение

Пение

◇ ◇ ◇

Г. Ковальскому

к эскизу нечего добавить
как угодно понимай
медленно
скорее как отображенье чем иначе

тайной выроненное
понимай
подобранное вдруг сиреневое время

нам о просторах по маршруту
(пруды пейзажа – за борт не свалиться б –
красота пьянит!)
цвет представление даёт,
искристые исключения если вычесть –
чуткие фибры реагируют согласно
на состояния накал
раскованно щедрый,
аура цветом истекает
рельеф эксперимента оттеняя
(и *сердцу*милу ощутимее
теплей)

подобранное
нечего добавить
понимай

◇ ◇ ◇

а предусмотренное разворачивалось постепенно...

Краями меди спаянные судьбы
застигнутые небом на земле
казалось бы в доверчивое время

ущербный быт и олово луды
но не иссяк источник предвкушений –
каких ты ласк желал от спаянной судьбы
каких ещё особых наслаждений?

предуготовлена хотя и невзначай
в оттенках пламени густая кровь рубина
сочится медный мёд под лезвием луча
стекают дни на дно и пенится стремнина

как предусмотренное постепенно развернулось
как верность замыслу диктует до конца!..
Резец не терпит дрожи рук и снулость.
Порывы света – копия лица.

ЭТЮД

неожиданно зацепиться нотой
неподдельное а
кому ни скажи, кивнут
(о, пение)
думай не думай, видишь

а время дня сегодня
птицы – вспомнить некоторых из – таки
зевают

Вчера и говорить немел (слезил
отогревая стебли грязью по сезону –
самозабвенно впрочем –
ростками всё погребло)
лавиной львиных грив и широтой угодий
до скважины сознания потрясённый.
Ещё царил Анри.
Я был под чарами его изящной школы
лучистой лёгкости искусства –
изобретательности вкуса
гибкости стиля – тоже сила –
он зря уехал скоро (т.е. жаль).

Позже
(складывал слова уже)
я видел сон
виденье мною выложенной буквы –
я блеск её ревниво охранял
(АЗБУКА, думал, или он –
нет, не всё так просто!) –
грех судьбе перечить.

А это звук высокой пробы
готовность в нём принадлежать
душа им мается не чтобы
а всего-навсего опять.

Неведомы вершины всплеска –
ртуть вспять и мечется душа...
Штрихи и шорохи наброска
в порыве лёгком с гашиша.

в зоне преображённой тени
(дозирая причуды облика)

тенёта свободы
апельсинная кожура походя (живой натюрморт)
не соблюдения крайностей тропы
где кураж прихотливее лирики
магнитная власть земли

свет осязаем станет скоро

<...>

а город вскрыт
лежит и вспорот
на операции «трамвай»
(репортаж о пульсе не ниже)

До дна воображения, ужаленного зноем,
в лёгкое мысли раненый сижусь.
Как будто звука мозжечок парализован.
Перевести на вязь?..
Перевожу.

Когда б не дёгтя капля – мёду сладко.
Когда б не едкий огонь – мы спасены.
Кровь и земля по мне, Истории – облатка.
Дрова мы ей, деревья – остальным.

Свет из тебя – поток универсален.
Налитой тьмы протянутая гроздь.
Мир налетел на риф – видением ужален,
крича от боли, заколачиваю гвоздь.

Вообрази души квадратный ужас
смотреть и знать, где зреют плач и вой.
Съезжать с ума в бессилие и стуже –
поэт ли, прозорливец и любой.

Уймись, угомонись, уйди от башен –
как зачарован ими, взгляд застыл.
О мир обещанный, ты безнадежно краше
из-под крыла мне виделся и мил.

Какие из отравленных подарков
мне предстоит закатывать в катрен?
А сроки сбудутся, зачем строки оракул?
Зачем мне этот ветер перемен?

ИЗ ДНЕВНИКА

<...> о да чтоб обитаемый не тронут
ни ядами ни ядерным мечом
пустыня побережье и нагорье
остались неделимые ничем

а если нет, свершится предсказанье
подробней тьмы кофейного зерна,
истаявшее время ожидания –
собачий лай, верблюды и зурна

◇ ◇ ◇

а мне прикажете с какого языка
переводя дыхание на русский
свидетельствовать:
чудо – разум Бога...

зашёптывать восторг когда вокруг
халява мёда и молочных рек...

белеет солнце в мареве песчаном
застыла в ожидании природа

с какого языка она молчит?

УРОКИ СМИРЕНИЯ

1

...опять я погружаюсь в ясный мрак
немых видений марево и живость...

*Имени не трогай сына и отца
Я – Дух Святой, иначе – Одинокий*

*Мне посвящают фолианты слов
А сам сужу, представь себе, несмело*

*Я – Милосердие
Добро
И Чары Бездны*

2

Стихи Одинокого*

Я говорю с тобою неспроста
Нам нечего делить, поверь мне
Мне некому открыть, как я устал
а если нахожу – одно отребье

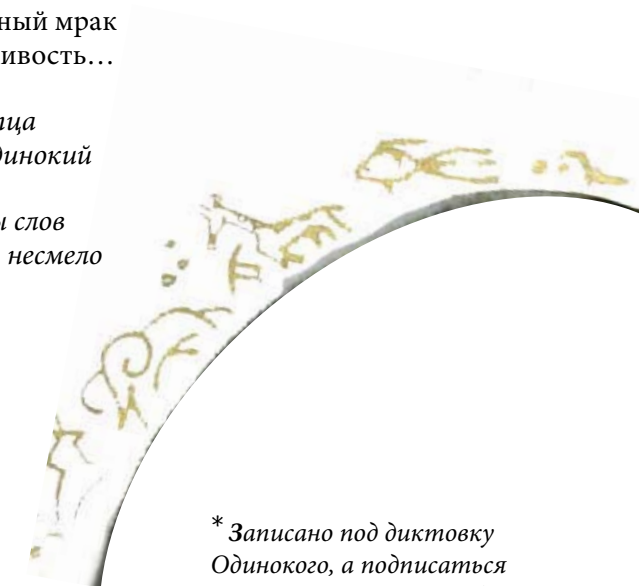
Никто не знает горечи моей
К кому ни обратись, никто не слышит
Сподобился недавно тут еврей –
ему другую указали крышу

Я одинок, ты понял, ОДИНОК –
не попусту прозвали Одиноким
Всем кажется я Бог, но я не Бог
а дух кочующий. Мне посвящают строки

не оттого что слышат голос мой
– он тих и прост – я шевелю их души.
Я был и есть один, и мне с тобой
свежее стало хоть на миг... и лучше...

3

Не шевелится мысль и лишь блуждает слог.
Взывает голос духа. Видит Бог.

* Записано под диктовку
Одинокого, а подписаться
он не может, не умеет, духу
необязательно, говорит. Что
касается 7-8 строчек, – могу
подтвердить, Одинокий не
заговаривается, реальная
история... А удивить своим
появлением он успел уже в
первом стихотворении из
триады.

◇ ◇ ◇

Под **за** полночь поди совсем не близко вроде
 час изображать счастливый.
 Слегка угомонится блеск вещей пускай.
 Пусть проясняются исчезнувшие смыслы:

язык отсутствия (не сразу)

не втиснуться иным значеньям (оттого)

на память – безупречное внимание.

Лететь
 и за крыло прощенья не просить. Как будто края нет

◇ ◇ ◇

неровности едва разборчивого плеска
 фонари подрагивают
 вглубь строго устремились – покой им дорог
 сторожат

в дерево пламени преображённый лунный свет
 видением из прошлого
 (Англия, картина)
 всплывает осьминогом ощущений

тёплые приметы
 незаменимые как на лету дыханье –
 чутьё подсказывает
 опыт лишь кивает –
 по кадру проявляются в недолгое кино:
 день и ветер –
 нарядный воздух впечатлений
 день и танец –
 отпетый праздник, смертные штрихи
 день и пустой орех (засвеченные кадры)

◇ ◇ ◇

слова длиною в целый день
 растения нездешних смыслов
 распечатанный запад
 крылатое солнце
 пополам с черешней

жилки филиграни
 оттенки в них поочерёдно оживают
 пламени убывающим всполохом
 кромкою изделия катятся
 горошины огня

сито
 для ловли света
 в него меня увидеть можно
 отражаюсь

ДА ТЫ ПОПРОБУЙ...

Счастья искали. Трогательная тема.

В. Соснора

лозы ещё одной волшебных рос
на вкус исполненных покоя
лозы наскальной вести
налитой пламенем упругим;

верховный миг беспамятства прозрений
хвалебный повод пению блаженных
застигнутых безумием любви
молебна
во славу Совершенства Духа! –

пьянящих горло алкогольного закала
прикосновений жгучих
таинственной непостижимой жизни –
потом *сладка* о ней
сладка твердить *сладка*
попутав с поводом...

оливки греческого смака
свежих завезли
поблескивают (самый цимес!)
для сахарной хвалы хороший повод

йерусалимских улиц камень
анналы в трещины вобравший –
отдельный день благодаренья –
повод винной пробы

на диво свитки
буквы с них
алхимия слюды небесной
свершенье ткани светом оживлённой
кружева поля –
мастеру за пот вознагражденье –
хвалы медовый повод...

разве не *сладка*?
поводом дружит всё (обилие дождей включая)
с халвой хвалы языкозрячей в час волхвования

◇ ◇ ◇

О чём ещё я верил запишу
высвобождая постепенно
расправляя памяти кайму
на пламя намекающую,
как на лицо – обрывок разговора
(не спугни изгиб)?

Речь образует смыслов дельту
вслед капризам русла
поток ветвится в зоне суеверий
раздробленный на струи в дюнах,
зыбкие тропы между
воздух раскачивается зазывая
в сказочном бреду как будто –
знойное знанье жар от слов.

Ты оснащён душой
(двуног рассудок, мечется и чёрт с ним)
в душе – она ведь снасть –
утерянные связи бьются – твой улов.
На дальнем их конце
как медленный огонь подрагивает ожиданье
похожее на дышащую радость
некогда знакомых мест
встречающих с улыбкою
с любовью дорогих объятий.

А барабанный бой сгодится на затем...
За темой
света кружится сиянье
собой увенчивая дельту
образующую речь, –
пульс нащупав звука
день пеленгует шиф<>р ожиданья.

◇ ◇ ◇

душе ли пластырь?..
 всё ещё сочится сукровица сожаленья
 (бесконечных десять лет)
 ну кто жалеет что удался миф!
 а может это – испытанье раем?
 не искушение
 (то контуры, то блажь)
 а испытание –
 от пытки

тогда на что ей пластырь – марли монастырь?
 сочится тыря суффикс
 пусть сочится
 зачем любви (любви!) лакейские лазейки –
 исчезнуть?
 скрыть себя?
 пропасть?..

листал словарь осыпавшийся частью –
 сукровица: сожаления фермент
 в её субстанции огонь разлит предвечный
 чаще
 сердечных ран последствие
 (в подобных случаях не посылают в бой, **от ред.**)
 далее выделено шрифтом: *лечится в полёте*
 (здесь: для души) что интересно – в скобках
 и наконец: сукровица (быт.) в виде порошка
 прим. в медицине
 в пласт. искусствах (белый грим)
 в косметике
 в алхимии прим. только при отливке
 прозрачных тонких и поющих форм

◇ ◇ ◇

Я в партитуру углубился – день прошёл
 (и с ним два месяца);
 комодом нас не купишь
 тряпьём набитым липким.
 «Новый Дант...»

где солнце огнепало рожу корчит
 где дозирующие тени по углам
 как блики зыбкие из царства порчи
 расставлены –
 здесь зажигаю лепестки уединенья
 и всё едино: было будет есть
 я жертвенник, но я и приношенье
 всех сочетаний счастья нам не счесть...

